

Переписка мудрецов: Маклаков и Алданов

Иван Толстой

14 августа 2016

 Приоритетный источник в Google

Василий Алексеевич Маклаков

Россия и эмиграция глазами Марка Алданова и Василия Маклакова

Иван Толстой: В московском издательстве «РОССПЭН» вышла одна из значительнейших книг по истории XX века. Значительная она не только своими внушительными размерами – 1144 страницы, вступительная статья и комментарии, - но, главным образом, по глубине проникновения в проблематику. Речь идет о судьбе России как метрополии и России изгнаннической, эмигрантской.

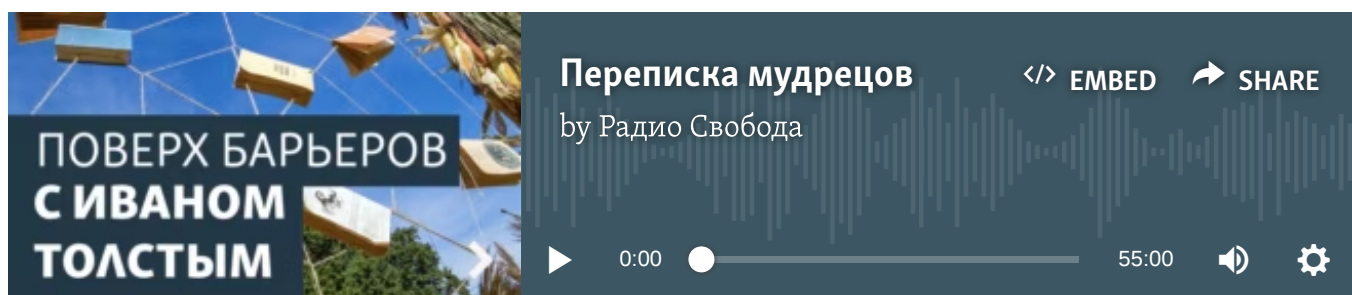
Два корреспондента на протяжении четверти века обменивались суждениями о наиболее серьезных, спорных и важных вопросах двух волн эмиграции, первой и второй.

Нам повезло, что жили эти корреспонденты в разных странах и даже на разных континентах, - во Франции и в Америке. Звали мудрецов Василий Алексеевич Маклаков и Марк Александрович Алданов.

Книга называется «Права человека и империи», и вышла она в серии «Сокровища Гуверовской башни». Имеется в виду, разумеется, та самая Гуверовская башня на территории Стэнфордского университета в Калифорнии, где хранятся богатейшие русские – и не только русские – архивы.

Интереснейший том подготовил и снабдил комментарием профессор Олег Витальевич Будницкий.

Сегодня он гость нашей студии.

↗ Pop-out player

⬇ Скачать медиафайл ▾

Олег Будницкий: Почему актуально и интересно? Потому что переписываются два очень умных человека. Алданов вообще был умнее своих книг. То есть, у него книжки достаточно умные и интеллектуальные, и вы знаете, что Алданова, особенно молодое поколение, которому не хватало площадей в журналах (и именно в этом была причина того, что у них не было громкого литературного имени, как они считали) считало, что Алданов старомодный писатель. Но всех этих молодых гениев, кроме специалистов, вряд ли кто-то знает, а Алданов продолжает издаваться и читаться. Его ум виден в его исторической прозе, в его исторической публицистике, в его «Портретах», конечно же, в «Ульмской ночи» и во многом другом. Но он был еще умнее своих книг. Когда ты читаешь тексты умного человека, написанные не для публикации, это чрезвычайно интересно.

А что касается Василия Алексеевича Маклакова, я думаю, что это был, возможно, умнейший русский человек 20 века. С необыкновенным пониманием происходящего, пониманием человеческой натуры, русского народа. Говорят, что интеллигенция оторвана от народа. Маклаков никак не был оторван от народа. У него было какое-то именье, он жил в деревне, даже что-то там усовершенствовал, себе устроил чуть ли не мини-электростанцию. Он был практикующим адвокатом, много ездил по России, входил в этот бродячий клуб

политических защитников и в разных прочих делах участвовал. И он очень хорошо знал ту среду, в которой он вращался, то, что принято называть русской интеллигенцией. И, надо сказать, что он был большим скептиком. С одной стороны, он был человеком энтузиастическим в том плане, что он был очень активен в этой жизни. Но он был человеком очень умным и, возможно, это мешало ему, как считали некоторые, стать лидером, вождем. Он же был самым правым кадетом. И в то же время он не был не только таким признанным лидером партии когда-либо, и не входил даже в лидирующую группу, хотя был одним из очень известных, потому что некоторые считали, что у него некий такой паралич воли, он не способен брать на себя ответственность, не любит и не хочет этого делать.

Маклаков был чересчур умен. Он видел разные сложности и проблемы, и предвидел крах тех или иных предприятий, тогда, когда другие этого еще не замечали, а были в состоянии восторженности и упоения. Скажем, речь о Февральской революции. И Алданов предполагал, что Маклаков не стал членом правительства и не занял причитающийся ему пост министра юстиции (а ведь во всех списках после Первой мировой войны Маклаков там числился, было понятно, что это первый юрист оппозиционного лагеря) потому, что дело тут не только в интригах князя Львова и стремлении всюду протаскивать своих людей, и в том, что именно эту должность отдали Керенскому, социалисту, заложнику демократии во Временном правительстве. С которым, кстати, оба состояли в переписке, и оба были в таких приятельски-настороженных отношениях, я бы сказал. Керенский послевоенного времени – один из героев этой переписки.

Иван Толстой: Даже удивительно, что книга, выпущенная в Москве в серии «ЖЗЛ», сейчас не припомню ее автора, посвященная Керенскому, так скомкано, так быстро, так конспективно пробегает по Александру Федоровичу после войны, словно от него не осталось многих тысяч писем, невероятно активной деятельности, участия в холодной войне...

Олег Будницкий: И просто лидерства в ряде крупных (по эмигрантским понятиям) организаций и явной поддержки зарубежных спонсоров. Спонсоров в плане политическом и финансовом. Потому что Керенский был самой видной и крупной фигурой. Это был единственный человек, который был главой русского правительства, и он жил в изгнании.

То, что Керенский – фигура совершенно непопулярная, в силу сложившихся обстоятельств... Никто не любит неудачников, а премьерство Керенского трудно назвать удачным, и никто не любит свою первую любовь, которая так разочаровывает. Не случайно автор одной из биографий Керенского назвал его «первая любовь революции». Так вот, возвращаясь к Маклакову: возможно, потому, что он видел очень много и понимал, он не брался за то, чтобы возглавить то дело,

которое считал безнадежным. А вторая причина, почему он, возможно, не стал лидером, это его увлеченность прекрасным полом. Как говорили многие современники, он был готов оставить важнейшее заседание ЦК ради прекрасной дамы или той дамы, которая в этот момент казалась ему прекрасной. Ариадна Тыркова даже ему писала, мол, что это вы пишете мемуары о всякой политике... А Маклаков в эмиграции выпустил четыре мемуарные книги. Одну из них, в трех томах, «Власть и общественность на закате старой России». То, что печаталось вторым по объему текстом в «Современных записках» - это «Мемуары из прошлого». Они публиковались 1929 по 1936 год. Скажу сразу, что первый по объему текст - это «Пути России» Фондаминского, одного из редакторов. Скучнейший историософский текст и, конечно, ничего близко похожего на замечательные мемуары Маклакова там нет. Это не в упрек, конечно, трагически погибшему Илье Фондаминскому, а в подчеркивание того, что текст Маклакова читается сейчас с большим интересом, несмотря на его суховатость.

Вообще надо сказать, что письма Маклакова существенно выигрывают по сравнению с его мемуарными текстами. Они гораздо более информативные и откровенные, ведь многие люди были живы, и Маклаков не считал возможным какие-то вещи публиковать (те, которые он доверял в письмах своим корреспондентам, тем, кому доверял, конечно), какие-то вещи он считал преждевременными, считал, что их просто не поймут. И по степени свободы и литературного блеска письма превосходят опубликованные тексты. Это один из парадоксов. «Власть и общественность на закате старой России», книжка 1936 года, «Первая Государственная дума. Воспоминания современника», которая была завершена в 1939 году и даже набрана, но не поступила в продажу.

Иван Толстой: Из-за начавшейся войны.

Олег Будницкий: Да, вышла после нее. Насколько мне известно, тираж был 200 экземпляров, такой раритет, и даже в Ленинке ее не было московской. Во время войны, сидя еще в тюрьме, обдумывал книгу, а потом, когда его нацисты выпустили после 2,5 месяцев отсидки, но запретили жить в Париже, он жил под Парижем у барона Бориса Нольде, своего приятеля, и там он написал «Вторую Государственную думу». Она вышла после войны. И, по настоянию Алданова, специально для Издательства имени Чехова, он написал последнюю свою книгу воспоминаний, которая как раз по хронологии охватывает самый ранний период, и она самая, на мой взгляд, лучшая и легкая из маклаковских книг. Там чрезвычайно много интересного и о московской жизни, и о студенчестве. Не без историософии, как водится, но, слава богу, в заключении. Эта книга вышла в 1954 году, когда Маклакову было 85 лет.

Иван Толстой: А за что он сидел при нацистах?

Олег Будницкий: Разные были точки зрения. То, что я прослеживаю по документам... Ведь в Париже возникло несколько организаций, занимавшихся русскими эмигрантами. Был прежний «Офис по делам русских беженцев» при французском МИДе. Французского МИДа как бы не стало, во всяком случае, что-то такое было при Виши, но маклаковский офис считался таким официальным учреждением. Был «Эмигрантский комитет», главой которого тоже был Маклаков. А там стали возникать всякие пронацистские образования, во главе которых стоял то безумный князь Горчаков, потомок того самого Горчакова, то некий полковник Модрах, а потом назначенный Начальником Управления делами русской эмиграции Юрий Жеребков. А Маклаков продолжал свою деятельность. И он немцев игнорировал в той степени, в которой это было возможно. И чтобы показать, кто в доме хозяин, и чтобы не было никаких таких других эмигрантских комитетов, Маклакова посадили вместе с некоторыми его сотрудниками.

А дополнительным фактором было то, что он был масон, а, как известно, масонство преследовалось нацистами. Но первично – эта история с эмигрантскими организациями, которые нацисты хотели пресечь. Те, которые ими не утверждены, которые не подчиняются всецело нацистам и не проводят в жизнь удобную им политику.

Иван Толстой: А краткость этого срока — два с половиной месяца - чем была определена? Кто-то ходатайствовал за Маклакова?

Олег Будницкий: Во-первых, не будем смешивать Францию и СССР. Оккупационный режим в СССР и во Франции - это совершенно разные вещи. Во Франции даже тех, кто был уличен в движении Сопротивления - Борис Вильде и Анатолий Левицкий, - их судили, был суд, были адвокаты. Маклакову формально нечего особенно было предъявить. Он был не молод, он 1869 года рождения, в 1942 году, когда его арестовали и посадили, он был еще далеко не древний старик, но, тем не менее, человеку за 70. И он сказал, что он больше не будет заниматься той деятельностью, которой занимался, да это и было невозможно, и его таким образом освободили, обязав не жить в Париже.

И это человек необыкновенно умный, с необыкновенным жизненным опытом и необыкновенными знакомствами и друзьями. Что делало его, в числе прочего, необыкновенно интересным для Алданова. Я говорю меньше об Алданове, потому что Алданов известен больше.

Маклаков происходил из известной московской семьи, его отец был знаменитый в Москве окулист, профессор Московского университета. И впоследствии кто-то острил, так как один из братьев Маклакова пошел тоже по этой линии, острили,

что один брат – окулист, а другой – стрекулист. Имею я виду родного брата Николая, министра внутренних дел реакционного.

Чтобы вы представляли картинку детства и круг общения, когда в Москве была эпидемия чего-то, чуть ли не холеры, то детей от греха подальше, видимо, потому, что отец был медиком и вращался в разного рода больницах, определили пожить в дом московского губернатора Перфильева. И именно там мальчик Вася увидел какого-то мужика с бородой и в сапогах, и удивился, что он делает в доме губернатора. Это был Лев Николаевич Толстой, с которым Маклаков впоследствии сдружился, что звучит почти невероятно, ибо разница в возрасте была 41 год. Но каким-то образом, когда Маклаков уже был студентом, именно его Лев Толстой избрал, когда он жил в Москве, в Хамовниках, своим спутником по прогулкам по Москве, а сам Маклаков, с присущей ему скромностью, говорил, что он гулял и беседовал со мной, потому что ему нужно было, чтобы его мозг отдыхал после работы. И он одно время увлекался толстовством, жил в какой-то толстовской колонии.

Маклаков закончил школу с серебряной медалью, за какие-то выходки ему снизили, поступил на Естественное отделение Московского университета. У него были проблемы с полицией, поскольку он был активным участником студенческого движения, и особенно он вдохновился, когда съездил во Францию, а там отмечали столетие Революции, там была Всемирная выставка, и он там познакомился со студенческим движением, со студентами. И он думал отправить на Всемирный студенческий съезд каких-то делегатов. Его арестовывали за участие в студенческих движениях. Движение не политическое, но любая форма общественной организации была в России под запретом. Кончилось тем, что он перешел с Естественного факультета на Историко-филологический.

Учился у Павла Виноградова, медиевиста знаменитого, который стал профессором Оксфордского университета. Можете себе представить, российский медиевист, занимающийся Англией, которого приглашают преподавать в Оксфорд. И Виноградов ему, конечно, дал очень много. И у Милюкова он учился, который был на 10 лет старше. Он и Ключевского слушал, конечно. И публикация Маклакова, одна из первых, в «Ученых записках Московского университета», это «Избрание жребием в Афинском государстве». Студенческая работа, на которую ссылались вполне серьезные ученые, включая Ростовцева. Там было два текста, в этом томе «Ученых записок», один принадлежал перу Маклаков, а другой – перу его университетского приятеля Михаила Гершензона, о котором очень интересно он пишет в своей последней книге воспоминаний. Вот такой круг общения.

И как же это студент естественник, потом выпускник Историко-филологического факультета, вдруг переквалифицировался в адвокаты? Умер отец. Он – старший

брат. Большая семья, если мне память не изменяет, там было 9 детей в общей сложности, мать рано умерла. Отец женился вторым браком на Лидии, урождённой Королевой, в первом браке Ломовской, известной под литературным псевдонимом Нелидова, авторе очень известной повести «Девушка Лида», популярнейшей писательнице в определенных кругах. И, кстати, ее первые рассказы и повесть очень высоко ценил Тургенев. Кроме всего прочего, она была близка к левым кругам, она была одно время гражданской женой Василия Хлебцова, необычная женщина, которая, среди прочего, взялась заниматься всеми этими многочисленными детьми. И отец умирает. Они тут же потеряли казенную квартиру. Что делать? К тому же, из-за его студенческих историй, из-за его неблагонадежности, попечитель Московского округа, впоследствии министр народного просвещения и первая жертва русского терроризма начала века, профессор Боголепов, ему не разрешил оставаться в университете для приготовления к профессорскому званию. То есть, путь для того, чтобы получить кафедру, для него был закрыт. И тогда он решает переквалифицироваться в юристы. Ведь профессия была заработная. Что делать? Ведь курс большой, а он и так уже вечный студент. Сколько он учился то на одном, то на другом, то его исключали... Мачеха его увезла во Францию и Швейцарию, где он общался среди прочего с Элизе Реклю, знаменитым анархистом. С кем только Маклаков не общался! С Мечниковым, и со Львом и с Ильей.

Иван Толстой: Со Льва Мечникова Лев Толстой, если я не путаю, списал своего Ивана Ильича.

Олег Будницкий: Нет, не со Льва. Лев был по части всяких революционно-демократических дел. Это был Иван Ильич. Был же Илья Мечников, был Иван и был Лев, автор книжки, которая Маклакову очень нравилась – «Цивилизация и великие исторические реки». Они были очень разные братья, но один из них был первым русским Нобелевским лауреатом. Короче говоря, вот такой бэкграунд. И что делает Маклаков? Он решает пройти курс юридического факультета за год.

Иван Толстой: Понятно, что масса предметов ему зачтена.

Олег Будницкий: Нет, это другие предметы.

Иван Толстой: По специальности - другие. Но на обычном факультете, где учатся четыре или пять лет, там есть и общеобразовательные предметы.

Олег Будницкий: Вы с советской системой образования это все путаете. Историю КПСС и политэкономию там не преподавали.

Иван Толстой: А физкультура, интересно, была?

Олег Будницкий: Боюсь, что нет. Короче говоря, Маклаков даже вывесил такой плакат в своей комнате «Прошу гостей дольше трех минут не задерживаться». И он за год прошел этот курс, и довольно многие профессора Юридического факультета были возмущены: как это, такая премудрость, а он тут за один год! Он сдал все экзамены на «весьма», то есть, на «отлично». Более того, по правилам, когда он какое-то количество экзаменов сдавал на «весьма», то на оставшиеся экзамены можно было уже не ходить, это было уже не важно. Но профессор, который принимал эти экзамены, возмутился, почему это он там сдавал, а мне – нет. Ну, Маклаков с почтением пошел, и это единственная оценка «хорошо» по экзамену, к которому он не готовился. Он считал это главным спортивным достижением в своей жизни.

И у него были замечательные патроны - Александр Ледницкий и Федор Плевако, о котором он впоследствии написал замечательный очерк. А Ледницкий был его другом и коллегой по Партии кадетов.

Вот, что такое Маклаков. И он по-прежнему оставался близок к Толстому. Толстой, как известно, профессию адвоката считал, мягко говоря, непорядочной, но, тем не менее, в каких-то случаях обращался к Маклакову. Он бывал в Ясной Поляне, так же, как и его сестра, очень хорошо знал всех Толстых, приятельствовал со многими детьми Толстыми, с Ильей, в частности, который был полнейший разгильдяй. В баню они ходили вместе со Львом Толстым и другими. У Маклакова интересно об этих банях есть. Лев Николаевич любил ходить в самые простые бани.

Иван Толстой: Лев Толстой любил ходить в бани. Хармс.

Олег Будницкий: Это не только Хармс, это правда. И они пошли в «Прагу», и Илья, которой там пытался подтрунивать над Маклаковым, сказал официанту: «Принеси нам то, чем Василий Алексеевич себе на жизнь зарабатывает». А тот только спросил: «С горошком или с пюре?». Он приносит. Илья торжествующе приподнимает крышку. «Что я тебе сказал принести?! А ты что принес?!», - возмутился Илья. Оказывается, Илья предполагал, что официант принесет язык, а тот принес мозги.

Иван Толстой: Отличная история!

Олег Будницкий: Это знаменитая история, которую встречаешь не только в маклаковской переписке и рассказах, а у разных мемуаристов. Этот случай пошел по Москве. И Илья возмущенно сказал, что он не получит чаевых. «Ну, пришлось заплатить мне», - писал в письме Алданову Маклаков.

Он был земский деятель, он был секретарем кружка «Беседа». Как уж там понимали протоколы, которые он вел, члены кружка, это для меня загадка, потому что почерк Маклакова это отелый сюжет. Вот такая фигура, уже известная в начале века по ряду процессов. И, если говорить о круге общения, кроме тех людей, которые впоследствии станут основателями, ядром и Партии кадетов, и, вообще, русского либерализма, я хочу сказать, что он приятельствовал с Антоном Павловичем Чеховым, и, например, он его консультировал при покупке дачи. И в его письмах содержатся разного рода неожиданные рассказы о Чехове. Например, он был уверен, что Россия победит в войне с Японией, и он совершил путешествие в свое время в Японию. Чехов очень сочувствовал японцам, говорил, что это очень культурный народ, и мы их там побьем. Ему было жалко японцев.

Я говорил уже о слабости Маклакова в отношении прекрасного пола. У него был роман с Марией Федоровной Андреевой, известной актрисой, одной из первых красавиц своего времени. Бурный роман, но впоследствии они разошлись. Маклаков со многими женщинами расходилсЯ. Потом Мария Федоровна стала гражданской женой Горького, и Горький Маклакова, видимо, на этой почве недолюбливал и уверял, что Маклаков был одним из прототипов Климa Самгина, не самого симпатичного из горьковских героев. Я уже не говорю, что он - один из основателей Партии кадетов, член ЦК, депутат трех Государственных дум (2-й, 3-й и 4-й), и лучший оратор России того времени.

Иван Толстой: Олег Витальевич, чтобы переехать в эмиграцию и коснуться самого главного сюжета нашей сегодняшней беседы, я попрошу вас уточнить для наших слушателей, напомнить эпизод с неудачным вступлением Маклакова в свою посольскую должность в Париже осенью 1917 года. Что там за казус произошел?

Олег Будницкий: Маклаков отнесся довольно скептически к Февральской революции, и он с большим удовольствием принял должность посла Временного правительства в Париже. Он явился к Луи Барту, тогдашнему министру иностранных дел, вручать верительные грамоты, 8 ноября 1917 года.

Я вам хочу сказать, что это относительная неудача - лучше было быть 8 ноября в Париже, чем в Петрограде. И в Париже Маклаков задержался на последующие 40 лет, ибо ему было суждено прожить долгую жизнь - он скончался на 89-м году жизни в 1957 году в Швейцарии, куда он поехал лечиться ваннами (у него болели ноги). Он был таким полупризнанным послом до 1924 года, когда Франция признала СССР, а потом был назначен французским правительством главой Офиса по делам русских беженцев при французском МИДе. Одновременно он был избран представителями эмигрантских организаций председателем Эмигрантского комитета в Париже, и в должности главы офиса он и был до конца своих дней.

Иван Толстой: И в этом своем статусе он и вступил в переписку с Марком Александровичем Алдановым.

Олег Будницкий: Он вступил в статусе, прежде всего, уже приятеля и товарища по масонской ложе. И Маклаков, и Алданов принадлежали к числу отцов-основателей русских масонских лож в Париже, и были оба масонами высокого градуса. И первое сохранившееся письмо - это письмо Алданова Маклакову 1929 года, в котором он благодарит его за присланный оттиск его «Воспоминаний» из «Современных записок». Оттиск был снабжен надписью, и Алданов пишет, что он ничего в этой надписи не понял. Но это – рефрен, который будет его сопровождать до последних дней. Не знаю, когда Маклаков познакомился с Алдановым лично, но как литератора он его знал по крайней мере с 1920 года, потому что в своей блистательной речи, произнесенной в Париже в начале 1923 года, «Большевизм и Толстой», Маклаков цитирует книжку Алданова «Ленин». Я думаю, что многие слушатели удивятся, что это за «Ленин» такой, которого еще нет, в трудах Алданова. Вышло, по меньшей мере, три труда Алданова в постсоветский период. Это биография Ленина, вышедшая в 1919 году в Париже, написанная Алдановым по-французски. У Алданова, как и у Маклакова, был прекрасный французский язык, ибо Алданов, сын богатых сахарозаводчиков киевских, настоящая фамилия его Ландау, как мы знаем, и Алданов - это анаграмма, он учился химии, он был, по его собственному определению, «физико-химиком», он учился в Париже и занимался исследованиями, до Первой мировой, в той лаборатории, где работали, скажем, Поль Ланжевен и Элен Ланжевен-Жолио. Вот такая была среда. И Алданов впоследствии выпустил пару книг по химии по-французски. Одна вышла в 30-е годы, другая - после войны. И когда началась война, Алданов пошел во французское военное министерство с тем, чтобы его использовали как химика. Никто еще не знал, что химической войны не будет, что немцы побоятся применить газ. И не потому, что они были такими гуманистами, а потому, что в ответ британцы, устами Черчилля, обещали сбрасывать химические бомбы на германские города и потравить немцев, как крыс. И многие другие вещи были, в которых можно было использовать химика. Но Алданов застал такую неразбериху во всем и такое непонимание, что происходит, что делать, что еще до этого крушения Франции он был настроен очень скептически и был уверен, что если что-то начнется всерьез, Франция будет разбита.

Я не знаю, когда они познакомились лично, Алданов появился в Париже в 1919 году, и не как писатель, у него были не эстетические расхождения с советской властью, а вполне политические, он был членом Трудовой партии народных социалистов. Партия была не слишком большая, она была серьезной в России, но в эмиграции членов этой партии можно было пересчитать по пальцам одной руки. Тем не менее, это были люди заметные. Среди народных социалистов был, кроме Алданова, Сергей Мельгунов, Дмитрий Одинец, вернувшийся в СССР. И Алданов,

как писатель, состоялся в эмиграции. Одна из первых его заметных книг - это «Ленин», на русском языке не существующая. И потом, что нам точно известно, что Алданов и Маклаков каждый четверг встречались за завтраком, а завтраки в Париже поздние...

Иван Толстой: По-нашему - это обеды в двенадцать или в час.

Олег Будницкий: Встречались у Софьи Григорьевны Пети, жены французского дипломата и политического деятеля, начальника Канцелярии президента Мильерана Эжена Пети, которого по-простому называли Евгений Юльевич, известного русофила. Это был такой салон, где встречались люди, причастные к масонству или близкие к тем людям, которые были масонами. По четвергам завтракали, кроме Алданова и Маклакова, Керенский, Зензинов, Бунин, Набоков во время приездов в Париж, Гучков и некоторые другие видные деятели.

Иван Толстой: Фантастическая компания!

Олег Будницкий: К сожалению, протоколы не велись. И вот иногда, не доспорив о чем-то или не прояснив своих позиций, они обменивались письмами, еще живя в Париже. Из одного из этих писем и цитата, которая стала заглавием книги - «Права человека и империи». А это очень интересно, потому что в этом споре как будто бы Алданов отстаивал права человека, а Маклаков - права империи, права государства. Суть вот в чем была, и это одна из важнейших проблем, которая постоянно волновала Маклакова, и которую он с разными корреспондентами обсуждал. Как сочетать права человека и права государства? Вот эта антиномия. Потому что права человека без ограничений невозможны при существовании государства. А без государства невозможна вообще жизнь. Но как должны быть ограждены эти права человека? Как найти эту середину?

И еще одна проблема, которая Маклакова всегда волновала, - это защита прав меньшинства. Ведь что такое демократия? Он относился к демократии с некоторой подозрительностью. Ну, хорошо, большинство проголосовало «за». А что с меньшинством? Как учесть права меньшинства? Тем паче, что меньшинство нередко бывало или просто правым (в не в смысле политического спектра, а в смысле правоты), или у меньшинства были какие-то идеи, которые вполне были разумны и конструктивны. Вот эта проблема защиты прав меньшинств - это одна из тех проблем, которые волновали Маклакова, и на одной из книг, подаренных ему, не припомню, кем, была такая надпись: «Убежденному защитнику всяких меньшинств». Но до войны таких писем, в которых обсуждаются проблемы, немного, там больше о сборе средств для «Современных записок» или в пользу Мережковского или Бунина. Такие деловые вещи. Есть и по современным политическим событиям, но переписка не слишком интенсивна. Понятно, что они

живут в одном городе, они общаются, они могут еще поговорить по телефону, Маклаков еще что-то слышит. Потом он теряет слух и, как он писал, превращается в «глухого урод», теряет возможность коммуникации по телефону и на собраниях, иногда не понимает, о чем говорят ораторы. Это была такая его трагедия. Тем важнее для него общение в письменном виде. Хотя, если он пишет от руки, это кошмар для читателя его писем.

Иван Толстой: И доля переписки возрастает после войны.

Олег Будницкий: Не просто доля, а практически вся переписка - это послевоенный период. Алданов бежит в Штаты, он приезжает туда в самом начале 1941 года, и это его взлет. Он был уже очень известным писателем, но не занимал в литературной иерархии того места, которого он заслуживал. В том числе, речь шла о каком-то руководстве печатным органом. Еще плывя в Нью-Йорк, Алданов уже думает о газете, о журнале. И такой журнал состоялся – «Новый Журнал», одним из основателей которого был Марк Алданов. И в Америке выходит перевод одного из его романов - «Начало конца», который в английском переводе назывался «Пятая печать», который был избран книгой месяца, издан был у Скрибнера, и было продано к 1945 году 314 тысяч экземпляров. Это был очень большой успех, и это была материальная независимость, ибо, когда Алданов собирался или только что прибыл в Нью-Йорк, он интересовался у Марка Вишняка, который как-то удачно снял квартиру с женой, не знает ли он, где можно недорого снять комнату с ванной.

Иван Толстой: А тут появляется бестселлер.

Олег Будницкий: Они были отрезаны друг от друга во время войны, и тут начинается по-настоящему переписка, с самого конца 1944, это открытка Маклакову по-французски в Нью-Йорк, с сообщением о том, в каком состоянии русская эмиграция находится, кто жив и кто не жив, и потом начинается интенсивнейшая переписка с 1945 года.

Если коротко – обо всем. Обсуждаются самые горячие вопросы: как относиться к советской власти? Особенно после знаменитого, потрясшего всю эмиграцию, визита Маклакова и нескольких других видных эмигрантов в советское посольство 12 февраля 1945 года с предложением примириться. Потому что советская власть одержала победу в войне, вроде бы, там идет возрождение церкви, погон. На всех, конечно, произвело потрясающее впечатление восстановление в правах слова «офицер». Была надежда на эволюцию власти (а казалось, что вот она, эволюция, видна), и на армию (не может же армия допустить, что все может быть, как раньше).

Но это все были, как мы теперь знаем, иллюзии. И разошелся Маклаков с советской властью как раз по тому самому вопросу – о правах человека. О чем он и написал в одной из газет, которая вскоре стала совсем уже просоветской, «Русские новости», возникшей в Париже и претендовавшей на то, что она - преемник «Последних новостей». Но там, кроме логотипа и одной части названия, ничего не было общего с прежними знаменитыми «Последними новостями». И Маклаков там публикует статью «Советская власть и эмиграция», в которой выдвигает это условие – права человека. Чего не собиралась соблюдать советская власть. Вот на эту тему переписка интенсивнейшая и полемика.

Алданов никаких иллюзий не строил, но в то же время считал, что нельзя подвергать остракизму и рвать с теми людьми, которые совершили этот жест по отношению к советской власти, потому что мы все-таки не можем влезть в их шкуру. И Маклаков писал, что вы не представляете себе, что здесь было, и человек, не живший при оккупации и не видевший гнусного, мерзкого коллаборационизма значительной части эмиграции, не может понять того движения, которое мы сделали, когда мы возлагали надежды на победу Советов, и это было спасение. И потом, когда становится понятно, что советская власть никак не эволюционировала, начинается мерзкий послевоенный период - ужесточение режима, преследование мысли, известное «Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», борьба с космополитами, начинается холодная война, то это уже переписка эпохи холодной войны. Обсуждается, как вести себя эмиграции в случае войны между СССР и США. А война вполне может быть ядерной. И Алданов пишет Маклакову, что как физико-химик я понимаю, к чему это приведет. Как вести себя в том случае, если Советы начнут наступление в Европу?

Иван Толстой: Как же они отвечают на эти вопросы?

Олег Будницкий: На самом деле они не могут найти правильного ответа. И тот, и другой - принципиальные противники войны, ибо понимают, что от России просто может не то, что ничего не остаться, но она понесет такие потери человеческие, не говоря уже о материальных, об уничтожении близких и любимых ими городов... Что делать? Они все время спорят о позиции Керенского – он признает войну или не признает? Ведь эмигрантские организации, которые стали ревитализироваться, получили новый импульс... Появилась вторая волна, молодые люди, которые были готовы бороться с советской властью... Часть из них - бывшие власовцы. Как к ним относиться? Это был серьезнейший вопрос. Алданов был непримирим, а Маклаков считал, что надо все-таки дифференцированно к ним относиться. И шанс этих эмигрантов - в войне. И совершенно принципиальное отношение к тому, как себя вести в случае этого мирового конфликта. Но до чего они могли договориться, это молчание. Мы не можем поддержать войну и мы не можем призывать к защите Советов. Значит - молчание. Ничего другого придумать не смогли.

Иван Толстой: А вопросы искусства, литературы обсуждаются? Я имею в виду даже не мирового, не советского, а эмигрантского. Чувствуют ли они себя по-прежнему эмигрантами, теми довоенными эмигрантами, для которых унесенная творческая свобода была одним из немногих спасений душевных?

Олег Будницкий: Еще как! Там масса сведений о Бунине. Алданов - один из ближайших его друзей. И, кстати, Маклаков и Алданов были очень близкими друзьями после войны, они делились друг с другом (я даже думал - публиковать это или нет, потом решил, что публиковать буду все) болезнями и вообще всем. И эта переписка необыкновенно интенсивная - 1143 страницы в этой книжке. Там, конечно, и вступительная статья, и большие комментарии, но львиная доля - сами тексты. Конечно, там масса сведений о писателях, об их житие-бытие. Конечно, Бунин, Набоков и многие другие, в том числе всякие разные, вроде Бурова. Конечно, обсуждение литературных произведений алдановских, и, вообще, в жанре исторического романа там необыкновенно интересные строки, написанные как Алдановым, так и Маклаковым, «Истоки» там очень подробно обсуждаются, алдановский монументальный роман, «Ульмская ночь». Потом очень интересные взаимоотношения с Издательством имени Чехова, чудом вдруг возникшим и наиздававшим множество всего. Алданов же был их литературным консультантом. И о том, как Маклаков пишет свои «Воспоминания», обсуждение этих «Воспоминаний». А также - процессы издательские, история с изданием «Второй думы» Маклакова, написанной в деревне у Бориса Нольде, обсуждение маклаковского сборника «Речи», вышедшего в 1949 году в Париже к его 80-летнему юбилею. Блистательный, очень интересный сборник, и единственное собрание речей Маклакова, лучшего российского оратора. Там есть речи, есть очерки о Толстом и прочее. Там очень интересные обсуждения Толстого, как человека, толстовского учения, конечно, толстовской прозы. Там есть сведения о Чехове и многих других. Переписка густо населена разными людьми. Если говорить о политических фигурах, то Керенский - одна из самых часто упоминаемых фигур. Встречи, формальные и неформальные разговоры, политические позиции различные, эмигрантские организации самого разного толка - «Лига борьбы за народную свободу», «Союз борьбы за освобождение народов» и многое другое. Практически нет эмигрантской организации, которая бы там не обсуждалась. А они оба обладали такой инсайдерской информацией, не входя ни в одну из этих организаций, и очень много знали - о всяких решениях, проблемах сепаратизма, о проблеме единства или распада России. Надо сказать, что то, что случилось с СССР, было бы обоими воспринято как кошмар - они оба были такими великодержавниками. Очень насыщенная в этом плане переписка. Проблема французского коллаборационизма, очень подробно обсуждавшаяся ими, и роль личности маршала Петена и русских коллаборантов. Ведь они общались кое с кем из этих людей. То, что происходит в СССР, чрезвычайно любопытные наблюдения о том, что будет после Сталина - они же дождались, Сталин умер.

Иван Толстой: Вот очень интересен этот аспект: насколько провидческие способности того и другого корреспондента оказались мощными, адекватными, интересными?

Олег Будницкий: Вы знаете, в каких-то мелких деталях они вряд ли могли предвидеть. Мы же знаем определение кремлевской политики, что это «борьба бульдогов под ковром». Но то, что вообще случится, они хорошо понимали. Маклаков это яснее сформулировал даже не в переписке с Алдановым, а в переписке с Борисом Бахметевым, мною ранее опубликованной. Он там просто описал, как будет происходить разложение большевизма. Он описал это именно так, как это случилось. Но это произошло не через десять или пятнадцать лет, а через семьдесят лет после того, как Маклаков это напроорочил. В начале 20-х он показывает, как большевики будут перерождаться, как будет происходить такая нормализация большевизма, его термидоризация, обуржуазивание, как будет происходить разложение, распад и превращение во что-то другое. Маклаков был сторонником эволюции, он не любил революций никаких и полагал, что революции - это зло. Что чистая правда - революции пожирают и своих детей, и разрушают много чего. И хотя из некоторых революций вырастает новое общество, новый мир и, в конечном счете, некоторые революции являются локомотивами истории и двигателями прогресса, но цена, которую платит поколение, которое живет во время революции, оказывается очень часто чрезвычайно высокой или просто неприемлемой, ибо после революции ничего не остается от того, за что как будто бы боролись.

Иван Толстой

Другие статьи и программы здесь: [Герои Ив.Толстого](#)

Этот контент также в категориях

Поверх барьеров с Иваном Толстым

Герои Ив.Толстого